
Автор представлен членом Художественного совета **Сергеем Касьяновым**

Памяти Беллы Ахмадулиной

Отзвучали ноктюрны из строк для громадного зала Вселенной,
Голосок серебристый умолк, в полумгле растворившись над сценой.
Помню: ты не читала стихи – ты их пела в далёком Тбилиси,
Словно флейта звучала в тиши, а мелодия таяла в выси!

Эта странная магия строф с той поры нежно властвует мною,
Белла, звучное имя твоё – крик лебедушки ранней весною.
Тает вечность, как тает свеча, озаряя безмолвные дали.
Ночь предзимья, слеза горяча, стопка нот на уснувшем рояле.

Уступая земные пути бесконечным декабрьским морозам,
Светлым ангелом в выси лети, там ищи свои давние грёзы...
Голосок серебристый не смолк, растворившись над призрачной сценой,
Пишешь снова ноктюрны из строк для громадного зала Вселенной!

Скрипач в метро

Качался и скрипел вагон на стыках,
По рельсам в преисподнюю спеша...
И вдруг в вагоне заиграла скрипка –
Смычок заплакал, душу вороша.

Не глядя в лица, мрачен и спокоен,
Вокруг не замечая никого,
Скрипач играл среди шума, лязга, воя
Стальных машин, не слышащих его.

И трепетал смычок от нетерпенья
И струны рвал – как письма, сгоряча!
И весь вагон среди гула и движенья
Внимал игре безумной скрипача.

Забудь и ты увечья и потери,
Играй, как он, начав с высоких нот!
Летит состав (лишь вздрагивают двери)
По кольцевой, где – вечный поворот.

По воле мастерства и вдохновенья
Не знающего устали труда
Восторжествуй, отринув все сомненья,
Средь вечного полёта в никуда!

Опять февраль

Опять февраль, как зверь голодный,
Натужно воет за окном.
Всегда шальной, всегда свободный
Деревья гнёт, стучится в дом.

В ночном пути промок до нитки,
Вдрызг, как старик-сапожник, пьян,
К зубам с подобием улыбки
Подносит треснутый стакан.

Летит в стакан с небесной хляби
То полудождь, то полуснег...
Рвёт облака, ревёт по-бабьи
Февраль, как слабый человек.

То клятвы шепчет, то проклятья,
Пьёт влагу терпкую до дна,
И плачет ночь в его объятьях,
Как захмелевшая жена.

Памяти Ярослава Смелякова

Промчится жизнь, как скорый поезд
Под неумолчный стук колёс.
В ночных полях – трава по пояс,
Дурман-трава вчерашних грёз.

Вновь на кону всё те же чувства.
Короткий век живёт, греша,
Полна надежды и безумства,
Поэта детская душа.

Ты знал, она однажды станет
Сном, светом, облаком, дождём;
Звёздой предутренней растает,
Сверкнув невиданным огнём.

Теперь на бесконечной воле
Твоим стихам внимает Бог
О вечной вере, вечной боли
Земной обители тревог.

Солдат

Отпустила волна артобстрела,
Поплыла под ногами земля.
Вдруг обмякло неловкое тело,
Обступила кромешная мгла.

Окружила стеной неизбежность.
Мах за махом невидимых крыл —
Я поднялся в высокую вечность,
Только имя своё позабыл.

Шёл и шёл в небеса одиноко,
Жизни вслед покидая края,
Где осталась лежать за пригорком
Отслужившая каска моя.

Напоследок сверяясь с маршрутом,
Краем глаза заметил, что вслед
Звёзд лучистых сияли салюты,
Словно вспышки армейских ракет.

Памяти деда Михаила Захарова

Таает прощальная искорка света,
День улетевшей зарницей сгорел...
Что пережил ты за сутки до смерти,
Дед, осуждённый, как враг, – на расстрел!

Дымом пожарища тянет прогорклым,
К ночи густея, суровеет мрак.
Пригнана к ладным плечам гимнастёрка,
Стиснуты пальцы до боли в кулак.

Так и не дрогнул ни духом, ни телом,
С дальних высот осенённый перстом.
Вытерпел муку, зрачками светлея,
Дед мой, расстрелянный в тридцать седьмом.

Благословите ушедшие жизни
Вместо огня погребальных свечей,
Кровью умытые звёзды Отчизны,
Светлые стражи бессонных ночей.